КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го марта. № 6. 1873 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СЛОВО

въ день рожденія Его И. Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича, великаго князя Александра Александровича. [1])

Св. Церковь, а съ нею вмѣстѣ и всѣ мы и вся Россія торжествуемъ нынѣ день рожденія Государя Наслѣдника Цесаревича, великаго князя Александра Александровича. Какъ близко сердцу нашему настоящее торжество, свидѣтельствуетъ объ этомъ собраніе наше въ семъ св. храмѣ; потому что мы собрались сюда ради этаго именно торжества, чтобы вмѣстѣ съ св. церковію вознести теплыя молитвы о здравіи и благоденствіи Виновника настоящаго праздества. А какъ дорого для насъ это здравіе, какъ близко нашему сердцу это благоденствіе, доказательствомъ сего служатъ—и та глубокая скорбь, которая въ недавнее время поразила всѣхъ насъ при вѣсти о тяжкомъ недугѣ, постигшемъ Цесаревича,—и та великая, искренняя радость, которая наполнила души наши при вѣсти объ Его выздо-

---

[1]) Произнесено 26 февр. въ Кіево-Софійскомъ соборѣ священникомъ А. Воскресенскимъ.

ровленіи, говорю—искренняя радость, потому что только такая именно радость можетъ выражаться—и въ тѣхъ теплыхъ молитвахъ, которыя возносимы были здѣсь же—8 генв., и въ томъ благотворительномъ учрежденіи, которое предположило наше общество устроить въ память выздоровленія Государя—Наслѣдника. Вознесемъ же, братіе, сердечныя молитвы о здравіи, благоденствіи и долгоденствіи Виновника настоящаго торжества, потому что въ рожденіи и благоденствіи Его намъ дарованъ Промысломъ залогъ упроченія преемства престола и продолженія тѣхъ благодѣтельныхъ узаконеній и преобразованій, которыя нисходятъ ко благу нашему отъ престола возлюбленнаго Монарха нашего. Потому-то надежды благочестиваго дома Царева суть надежды и церкви и всего царства; потому-то такъ горестно и отозвалась въ сердцѣ всей Россіи вѣсть о болѣзни Его Высочества—этаго залога надежды нашей и такъ радостно была принята вѣсть о выздоровленіи.

Братіе христіане! Кажется я не буду не послѣдователенъ, если, послѣ слова о значеніи дня рожденія Наслѣдника—Цесаревича, обращу вниманіе ваше на день рожденія каждаго изъ насъ; потому что для всякаго человѣка должно быть радостно воспоминаніе о томъ времени, съ котораго началась жизнь его Какія же мысли и чувствованія должны раждаться въ душѣ нашей при воспоминаніи или торжествѣ дня рожденія каждаго изъ насъ?

Когда воспоминаемъ мы о днѣ своего рожденія, или торжествуемъ дни рожденія другихъ—близкихъ и знакомыхъ намъ, собственно какъ дни рожденія, при этомъ у всѣхъ насъ должны быть одинаковыя мысли и чувствованія, потому что законы естественнаго рожденія для всѣхъ одни и

тѣже. Какія же это мысли и чувствованія? Возношеніе ума и сердца къ главному Виновнику бытія нашего—Богу. Повидимому жизнь и дыханіе переходятъ отъ одного къ другому путемъ естественнаго рожденія, повидимому—умомъ, сердцемъ и волею надѣляетъ насъ природа,—но только повидимому, а на самомъ дѣлѣ—все это отъ Бога. Царь и и пророкъ Давидъ такъ изображаетъ участіе творческой силы въ нашемъ появленіи на свѣтъ: «Господи, Тебѣ извѣстны всѣ стези мои; Ты сотворилъ внутренность мою, во чревѣ матери Ты образовалъ меня; ни одна кость моя не сокрылась отъ Тебя, зародышъ мой видѣли очи Твои, въ Твоей книгѣ начертаны были всѣ дни мои, когда еще не было ни одного изъ нихъ» (Псал. 21, 10. и въ др. м.). Изъ этихъ словъ Царя-пророка видно, что Промыслъ Божій бдитъ надъ рожденіемъ каждаго человѣка, что, слѣдовательно, не случай какой производитъ насъ на свѣтъ сей, не различными преобразованіями въ животномъ организмѣ, какъ думаютъ нѣкоторые изъ новѣйшихъ мыслителей, образуется составъ нашъ,—а напротивъ бытіе даруетъ намъ всесильный Творецъ, составъ нашъ есть дѣло премудрыхъ рукъ Его. Изъ сего чистѣйшаго Источника проистекла струя нашей жизни, отъ сего присносущнаго и не мерцающаго Свѣта возжено дыханіе наше, изъ этой бездны совершенствъ удѣлена каждому изъ насъ, сколько можетъ вмѣстить твореніе, часть нашихъ душевныхъ совершенствъ,—мы *родъ Божій* (Дѣян. 17, 29), мы имѣемъ и носимъ въ себѣ Образъ Божій. Къ кому же, послѣ сего, и должны обращаться прежде всего благодарныя наши мысли и чувствованія, какъ не къ Виновнику нашего бытія, такъ возвысившему насъ надъ всѣмъ сотвореннымъ, даровавшему намъ такія высокія качества и совершенства? Въ этомъ отношеніи, какъ видите, воспоми-

наніе о днѣ рожденія имѣетъ высокое значеніе, и празднованіе его, если только оно соединяется съ указаннымъ настроеніемъ души, имѣетъ глубокій смыслъ.

Воспоминаніе о днѣ рожденія, въ свою очередь, необходимо вызываетъ другіе вопросы: для чего мы раждаемся на свѣтъ? куда должны стремиться и къ чему готовиться? Вопросы эти такъ многосторонни и отвѣты на нихъ такъ разнообразны, что ни время, ни даже это свящ. мѣсто не дозволяютъ разсмотрѣть дѣла во всей подробности. Въ своемъ отвѣтѣ я ограничусь указаніемъ того, что общеобязательно для всѣхъ насъ, къ чему должны стремиться и готовиться всѣ мы—безъ исключенія.

Всѣ мы раждаемся каждый съ своимъ особымъ призваніемъ, съ особымъ назначеніемъ, предусмотрѣннымъ Творцемъ прежде самаго нашего рожденія. Эта особенность призванія и назначенія условливается различными даруемыми намъ талантами, такое или другое обнаруженіе которыхъ въ жизни—въ приложеніи къ дѣлу, въ свою очередь условливается благопріятствующими или неблагопріятствующими раскрытію ихъ обстоятельствами, напр. добрымъ или превратнымъ воспитаніемъ, доброю или худою средою, бѣдностію или богатствомъ и т. п. Нашъ долгъ въ этомъ отношеніи—понять при вступленіи въ жизнь свое призваніе, уяснить для себя свои стремленія, понять преобладающія способности, все взвѣсить, все оцѣнить,—и затѣмъ уже неуклонно идти по предназначенной дорогѣ. Эта общая обязанность такъ выражается св. Апостоломъ: *кійждо въ званіи въ немъ же призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ*. Къ сожалѣнію, и здѣсь, когда смотришь на дѣло съ естественной даже точки зрѣнія, мы часто поступаемъ не такъ: или не понимая, или даже и понимаемъ себя, беремся за то, къ чему не

способны, домогаемся того, что выше силъ нашихъ и т. п. въ этомъ родѣ, а отсюда—въ исполненіи обязанностей и во взаимныхъ отношеніяхъ безпорядки, нестроенія, лесть, коварство, обиды и т. п. Подобнаго явленія, повидимому, не должно бы быть, если на призваніе каждаго смотрѣть съ указанной точки зрѣнія..... Да его и не было бы, если бы человѣкъ, по выходѣ изъ рукъ Творца, остался такимъ же, какимъ онъ былъ созданъ. Къ несчастію, въ лицѣ праотца Адама, въ которомъ, какъ въ сѣмени, заключались всѣ мы, въ немъ, при его паденіи, потеряли свою первобытную чистоту, въ немъ потеряли стройный порядокъ жизни, въ слѣдствіе чего всѣ силы наши и жизнедѣятельность получили превратное направленіе. Въ насъ остались черты образа Божія, но наше уподобленіе Ему безъ божествен. помощи уже и быть не можетъ. Отсюда мечтать, какъ нѣкоторые мечтаютъ, устроить порядокъ жизни и взаимныхъ отношеній при руководствѣ только однихъ естественныхъ законовъ, по началамъ одного, такъ называемаго здраваго разума, столько же безразсудно, сколько безразсудно отвергать поврежденность природы человѣческой.

Къ утѣшенію нашему, всеблагій Творецъ, допустившій наше поврежденіе, не оставилъ насъ въ этомъ, по истинѣ плачевномъ положеніи. Разумѣю здѣсь наше духовное возрожденіе въ водѣ крещенія, возрожденіе, пріобрѣтенное для насъ безцѣнными заслугами Искупителя—Его крестными страданіями и смертію. Въ новомъ—духовномъ рожденіи мы получаемъ первобытную чистоту и всѣ благодатныя средства къ сохраненію этой чистоты, а съ тѣмъ вмѣстѣ—возможность вновь имѣть стройный порядокъ жизни. Отсюда и назначеніе нашей жизни, какъ людей возрожденныхъ, получаетъ другой характеръ. *Во Христѣ Іисусѣ*, говоритъ

Апостолъ, *мы созданы на дѣла благая, да въ нихъ ходимъ* (Еф. 2, 10) На какія дѣла? *Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею, и ближняго твоего, яко самъ себе* (Мѳ. 22, 37. 39), отвѣчаетъ самъ Спаситель. Такимъ образомъ дѣла вѣры и благочестія въ отношеніи къ Богу, дѣла любви и правды въ отношеніи къ ближнему, дѣла самоотверженія въ отношеніи къ самимъ себѣ—вотъ наше истинное назначеніе на землѣ; для этихъ то дѣлъ, послѣ рожденія плотскаго, мы раждаемся-рожденіемъ духовнымъ, и точнымъ исполненіемъ этихъ дѣлъ опредѣляется идеалъ христіанскаго общества, всѣхъ дѣйствій и отношеній между членами этого общества. Всѣ дѣйствія гражданина—христіанина должны быть проникнуты любовію къ Богу и ближнему,—и если будутъ проникнуты, тогда и въ обыкновенномъ ходѣ жизни каждый будетъ вполнѣ вѣренъ своему долгу, своему званію, своему назначенію, своимъ обязанностямъ; тогда въ обществѣ будетъ миръ, спокойствіе и благоденствіе, потому что надъ такимъ обществомъ почіетъ благоволеніе и благословеніе Божіе, потому что каждый членъ подобнаго общества будетъ жить, дѣйствовать и всѣмъ жертвовать во имя взаимной любви, для общаго блага. Себялюбію, своекорыстію, своеволію, хитрости, лести, обману и друг. страстямъ здѣсь нѣтъ мѣста; напротивъ здѣсь мѣсто всѣмъ высокимъ подвигамъ самоотверженія, какіе являли христіанскіе граждане во всѣ времена, на всѣхъ поприщахъ жизни, во всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ. Примѣръ такого благоустроеннаго общества, по новому строительству Божію, представила первенствующая Христова Церковь, когда, по слову св. евангелиста Луки, у многочисленнаго общества вѣрующихъ было одно сердце и одна душа, и никто ничего изъ имѣнія своего не

называлъ своимъ, но все было у нихъ общее, и великая благодать была на всѣхъ ихъ (Дѣян. 4, 32. 32). Главное условіе устройства этого общества, именно—что у всѣхъ вѣрующихъ было *одно сердце и одна душа*, должны имѣть въ виду тѣ, которые и въ настоящее время мечтаютъ устроить общество такъ же, чтобы у всѣхъ все было общее. Благодареніе Богу, что къ намъ не прививаются подобныя мечты; потому что мы знаемъ, что въ устройствѣ общества первенствующихъ христіанъ данъ намъ идеалъ, къ которому въ своемъ общественномъ устройствѣ мы должны стремиться, приближаться, и который дѣйствительно можетъ осуществиться, но только тогда, когда во всей своей жизнедѣятельности будемъ одинаковы съ первенствующими христіанами. Так. образомъ воспоминаніе о днѣ рожденія плотскаго привело насъ къ размышленію о днѣ рожденія духовнаго, а это размышленіе имѣетъ уже смыслъ не только высокій, но, можно сказать, и священный.

На этомъ можно бы и остановиться, и я остановился бы, если бы жизнь наша оканчивалась на землѣ—съ разрушеніемъ нашего тѣлеснаго состава. Но думаю, братіе, что никто изъ васъ такъ не думаетъ, а всѣ мы вѣруемъ, что за земною жизнью послѣдуетъ другая—небесная. Что это за жизнь? Какимъ образомъ для жителей земныхъ сдѣлалось удѣломъ небо? По первоначальному происхожденію человѣкъ и на землѣ назначался для жизни съ Богомъ и въ Богѣ; блаженство его состояло въ ближайшемъ общеніи съ Богомъ; залогомъ вѣчнаго пребыванія человѣка въ блаженномъ общеніи съ Богомъ служило древо жизни. Но это блаженное состояніе человѣка, какъ мы знаемъ, было разрушено грѣхопаденіемъ; союзъ Бога съ человѣкомъ былъ прерванъ; въ удѣлъ человѣку досталось вѣчное проклятіе и

смерть, а во временной жизни—нестроеніе. Господь Іисусъ Христосъ, искупивъ насъ отъ грѣха, проклятія и смерти, снова усыновилъ насъ Богу Отцу, снова отверзъ намъ рай, только не земной, а небесный; снова далъ намъ возможность находиться въ блаженномъ общеніи съ Богомъ и даровалъ намъ благодатныя средства для достиженія этого общенія. Так. образомъ, по искупленіи, мы раждаемся для того, чтобы чрезъ возрожденіе перейти изъ царства природы въ царство благодати, чтобы потомъ, достигши въ царствѣ благодати въ мѣру возраста Христова, вступить наконецъ въ царство славы для наслажденія вѣчнымъ блаженствомъ въ Богѣ и съ Богомъ. Вотъ наше истинное назначеніе, вотъ существенная и послѣдняя цѣль нашей земной жизни, къ которой всѣ мы, при различныхъ званіяхъ, состояніяхъ, обязанностяхъ и т. п., должны одинаково стремиться! Вотъ главный и самый важный предметъ, о которомъ должно размышлять при воспоминаніи дня рожденія! Мы раждаемся и возраждаемся для неба. Самъ Господь влечетъ насъ туда, влечетъ обѣтованіями, влечетъ примѣромъ своимъ и избранныхъ своихъ, влечетъ служеніемъ св. церкви и ея таинствами, влечетъ тѣломъ и кровію своею, влечетъ невидимою благодатію св. Духа. Христіанинъ весь, можно сказать, въ узахъ любви Божіей, влекущей его на небо отъ колыбели до гроба. Послѣ сего земля, на которой живемъ-гостинница, въ которой мы, какъ пришельцы и странники, останавливаемся только на время, — земная жизнь—время сѣянія для собиранія плодовъ на небѣ, время борьбы съ остатками грѣха, время трудовъ и подвиговъ,— земныя блага—средства для поддержанія тѣлесной жизни,— различныя должности и обязанности, которыя возлагаетъ на насъ премудрое и всеблагое провидѣніе—это пути къ

небу, проходя которыми прямо и вѣрно, съ усердіемъ и ревностію, мы должны проявлять жизнь духа въ любви къ ближнему,—наши добродѣтели—это ступени къ небу, по которымъ туда восходимъ.

Кто такъ смотритъ на себя и на міръ, тотъ видитъ, какъ важенъ и священъ день рожденія каждаго изъ насъ и какія высокія святыя и мысли можетъ возбуждать въ насъ воспоминаніе объ немъ. Отъ дня рожденія начинается наша жизнь и временная и вѣчная. Не будемъ забывать этого при воспоминаніи дня своего рожденія. Человѣкъ, раждающійся въ міръ, вообще дорогъ предъ очами Создателя и Искупителя нашего, тѣмъ болѣе дорогъ человѣкъ, отрожденный водою и духомъ, и еще болѣе дорогъ тотъ, кто ходитъ во свѣтѣ лица Божія и служитъ Богу и ближнему чистою любовію души и сердца. Господь да поможетъ всѣмъ намъ быть особенно дорогими въ очахъ Его. Аминь.

ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ БЫВШАГО КІЕВО-КИРИЛЛОВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Не смотря на всѣ превратности судьбы, на всѣ разграбленія, опустошенія и пожары, коимъ многократно подвергался Кіевъ, онъ сохранилъ въ себѣ до нашихъ дней много историческихъ памятниковъ, священныхъ остатковъ древности, вызывающихъ къ себѣ любовь и вниманіе каждаго соотечественника. Къ числу такихъ памятниковъ принадлежитъ и Троицкая церковь, памятникъ византійскаго зодчества.

Церковь эта находится на сѣверозападной оконечности Кіева, на великолѣпной мѣстности, всегда поражающей взоры путешественника своею естественною живописною красотою. Мѣстность бывшаго Кирилловскаго монастыря въ лѣтописяхъ извѣстна подъ названіемъ «*Дорожичи*» или «*Дорогожичи*». Названіе свое эта мѣстность получила, вѣроятно, отъ того, что на ней, близь того мѣста, откуда вытекаетъ Глубочицкій ручей, сходились многія важнѣйшія дороги изъ Кіева: дорога въ удѣльный тогда городъ Бѣлгородъ (нынѣ м Бѣлгородка), отсюда на Волынь, въ Польшу и Галицію; другая дорога—въ Вышгородъ, въ Полоцкое княжество и въ Литву; третья—мимо Золотыхъ вратъ, въ Василевъ (нынѣ Васильковъ), въ Юрьевъ и проч. Всѣ названныя нами дороги весьма часто приводили къ Кіеву различныхъ его враговъ, и всѣ они останавливались передъ Кіевомъ на Дорожичахъ. Кіевскіе князья выводили

сюдаже свои дружины и тутъ происходила ужасныя кровавыя сѣчи или за столъ Ярослава, или въ видахъ добычи и по другимъ причинамъ. Справедливо говорится, «что быть можетъ въ цѣлой Россіи нѣтъ мѣста болѣе упитаннаго кровію и костями, сколько пожрала ихъ эта мѣстность»[1]). На ней рѣшалась судьба многихъ князей и самаго Кіева. Такъ въ 980 году Владиміръ въ походѣ на брата своего Ярополка остановился на этой мѣстности. «Пойде (Владиміръ) на брата своего Ярополка къ Кыеву со многими вои и не могій же стати Ярополкъ противу Володимеру и затворися въ Кіевѣ съ людьми своими и съ воеводою Блудомъ; Володимеръ же стояше на Дорожищѣ обрывся межъ Дорожичемъ и Капичемъ и есть ровъ и до сего дни»[2]). Извѣстны печальныя послѣдствія этой борьбы для Ярополка. Она кончилась его смертію. Подобнымъ образомъ здѣсь рѣшилась судьба Игоря II Ольговича въ борьбѣ его съ Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1146 году. Онъ потерялъ сраженіе и былъ схваченъ въ болотѣ Дорогожичскомъ. «Побѣже Игорь и Святославъ въ слуды Дорогожичьскія. Изяславъ же съ Мстиславомъ сыномъ своимъ и съ своею дружиною въѣха въ нѣ въ бокъ имъ и нача сѣчи... И вбѣже Игорь въ болото Дорогожичьское, и угрязе подъ нимъ конь» и пр.[3]). Въ 1151 году съ этого мѣста Юрій Долгорукій осаждалъ Кіевъ и былъ побѣжденъ[4]). На этой же мѣстности остановился въ 1138 году Всеволодъ Ольговичъ, пришедшій съ дружиною и князьями черниговскими биться за

---

[1]) Кіев. Еп. Вѣд. 1863 г. стр. 670.

[2]) Полн. Собр. р. лѣт. т. IX. стр. 39.

[3]) Ипат. стр. 24.

[4]) Лѣт. т. IX. стр. 187—8.

столъ Ярослава. Цѣли своей Всеволодъ достигъ [1]). Мы не приводимъ множества другихъ, происходившихъ здѣсь битвъ, и изъ сказаннаго уже можно понять, что Дорогожичи были всегда роковымъ мѣстомъ для Кіевлянъ, столь часто надвигавшимъ на нихъ ужасную грозу русскихъ и иноземныхъ полчищъ.

Эти частыя нападенія на Кіевъ со стороны Дорогожичъ и часто происходившія тутъ битвы послужили поводомъ къ образованію многихъ легендъ, пріуроченныхъ къ этой мѣстности и къ построенію на ней Кирилловскаго монастыря. Эти легенды, конечно, имѣютъ очень важное значеніе и состоятъ въ непремѣнной связи съ историческими событіями; онѣ показываютъ, какъ взглянулъ на эти событія народъ, что поразило народную память и воображеніе. Приведемъ здѣсь одинъ варіантъ изъ этихъ легендъ.—Въ неизвѣстныя древнія времена прилетѣлъ къ Кіеву чудовищный змій; онъ поселился на мѣстѣ Дорогожичъ, вырывъ здѣсь для себя пещеру[2]). Въ умилостивительную жертву ему каждодневно приносили по одному юношѣ. Въ то время въ Кіевѣ жилъ нѣкто Кириллъ (Кюриль) Кожемяка. Зная его мужество, жители Кіева обратились къ нему съ просьбою о спасеніи. Сильно вскипѣло ретивое въ Кожемякѣ при вѣсти объ этомъ опустошеніи Кіева. Въ гнѣвѣ онъ рветъ кожи, которыя мялъ въ то время и они рвутся легче паутины. Потомъ онъ пошелъ къ пещерѣ, сразился съ зміемъ и, конечно, побѣдилъ его. Въ память этой великой побѣды и въ благодарность Богу за избавленіе себя и своихъ согражданъ отъ гибели онъ строитъ на мѣстѣ побѣды

[1]) Ип. стр. 15.

[2]) Пещеру эту между другими пещерами, находящимися близъ Кирилловскаго монастыря, указываютъ и доселѣ.

церковь, которая и стала называться въ честь его Кирилловскою [1]). Такъ гласитъ народное преданіе объ основаніи первой Кирилловской церкви, по всей вѣроятности деревянной.

Строительницей нынѣшней Кирилловской церкви была княгиня Марія Мстиславовна, жена Всеволода Ольговича, дочь Мстислава Великаго, внука Владиміра Мономаха, какъ доказалъ это на основаніи лѣтописныхъ свидѣтельствъ М. А. Максимовичъ [2]) Послѣ записи о погребеніи храмоздательницы въ 1179 году, въ лѣтописи упоминается о Кирилловской церкви только подъ 1231 годомъ по случаю поставленія во епископа ростовскаго нѣкоего Кирилла, при которомъ поставленіи былъ и игуменъ Кирилловскаго монастыря [3]). Болѣе мы нигдѣ не встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ извѣстій о Кирилловской церкви, или Кирил. монастырѣ. Изъ этого конечно можно заключить, что Кирилловскій монастырь не долго процвѣталъ, или даже недолго существовалъ въ цѣлости. Да и нельзя думать, чтобы при многократныхъ разграбленіяхъ Кіева оставался нетронутымъ Кирилловскій монастырь. Впрочемъ судьба Кирилловской церкви въ этомъ отношеніи была счастливѣе другихъ церквей кіевскихъ. Тогда какъ всѣ другія церкви были совершенно разрушены и только нѣкоторыя полуразрушены, зданіе Кирилловской церкви осталось почти въ цѣлости.

Изъ актовъ, касающихся Кирилловскаго монастыря, можно заключать, что послѣ татарскаго нашествія Кирил. монастырь совершенно опустѣлъ; такъ что прекратились въ

---

[1]) О происхожденіи этой легенды и другихъ варіантахъ ея у Буслаева въ «Рус. богатыр. эпосѣ». Рус. Вѣст. 1862.

[2]) Кіев. Еп. Вѣд. 1869 г. № 1-й о созданіи кіевской церкви св. Кирилла.

[3]) Лавр. л. стр. 194.

немъ и богослуженіе, ибо въ грамотѣ короля польскаго Сигизмунда III отъ 16 февр. 1626 г., данной на имя игумена Кирил. монастыря Софронія Жеребила — Лабунскаго между прочимъ сказано: «ижъ монастырь св. Кирилла, недалеко Кіева лежачій отъ давнихъ часовъ, по сбуренью татарскомъ, впустѣ безъ отправованья хвалы Божой лежалъ» и пр. Акт. зап. Рос. т. IV № 225.

Обновителемъ Кириллов. монастыря долженъ быть признанъ игуменъ острожскій Василій Красовскій, вызванный княземъ острожскимъ. При помощи князя острожскаго, тогда воеводы кіевскаго, оправилъ онъ тую церковь своимъ накладомъ и на церковь подалъ нѣкоторые достатки»[1]). Главный (по всей вѣроятности и единственный) престолъ церкви, устроенный въ честь св. Кирилла, — по которому и самая церковь называлась Кирилловскою, — онъ переименовалъ въ Троицкій, въ честь св. Троицы, — отъ чего церковь съ этого времени стала называться Троицкою въ Кирил. монастырѣ. Въ честь же св. Кирилла онъ устроилъ престолъ въ правомъ (южномъ) алтарномъ полукружіи; а въ лѣвомъ (сѣверномъ) полукружіи устроилъ третій престолъ, въ честь Архистр. Михаила.

Троицкая церковь — уже при первомъ взглядѣ на нее — ясно говоритъ о своей далекой древности. — Значительная громадность и вмѣстѣ простота зданія, — достовѣрная свидѣтельница, по словамъ г. Снегирева, древности зодчества[2]), — отсутствіе фасадныхъ украшеній, массивность стѣнъ и столбовъ, самый планъ церкви: четырехугольникъ съ выдающимися на востокъ полукружіями и проч. — все это свидѣтельствуетъ о ея древнемъ устройствѣ. Но еще

[1]) Кіев. Еп. Вѣд. 1863 г. стр. 674.

[2]) Рус. Стар. въ пам. ц. гр. зодч. стр. 1.

очевиднѣе, еще не сомнѣннѣе будетъ для насъ древность ея основанія, если мы (хотя при маломъ знакомствѣ съ древней архитектурой церквей) будемъ разсматривать ее въ подробности.

Планъ Троицкой церкви есть вполнѣ планъ церквей византійскихъ, заимствованный отъ базилики. Сравнивая его съ планами древнихъ греко-римскихъ христіанскихъ храмовъ, напр. съ планами помѣщенными у Bingham', въ его «*Antiquit.* Eccles.» Vol. 3 на чертежахъ между 172 и 173 стр.; у Макаотина въ его «очеркѣ рус. церк. зодчества» на стр. IX и проч., мы видимъ полное сходство перваго съ послѣдними. Такое же тождество оказывается и при сличеніи плана Троицкой церкви съ планами древнихъ кіевскихъ церквей[1]). Этотъ планъ Троицкой церкви, общій всѣмъ церквамъ этой конструкціи, состоитъ изъ продолговатаго прямоугольнаго четырехугольника, а если не брать во вниманіе притворъ, то планъ ея составитъ равносторонній квадратъ. Въ основаніи его лежитъ греческій равноконечный крестъ [2]). Восточный конецъ этого креста оканчивается тремя абсидами, или полукружіями съ куполообразными сводами; среднее полукружіе значительно болѣе боковыхъ, такъ какъ въ древности только оно одно назначалось для алтаря съ престоломъ; боковыя же полукрушія имѣли другое назначеніе. Полукружія раздѣляются между

---

[1]) См. напр. планъ древней кіевск. цер. св. Ирины, въ Жур. М. Н. Пр. 1863 г. ч. XII; а также въ «описаніи Кіева въ отн. къ древност.», планы Михайлов. монастыря, Успенск. собора въ Печер. Лаврѣ и самаго Софійскаго собора, который отличается только относительно большими размѣрами и большею сложностію.

[2]) При этомъ мы не беремъ въ разсчетъ притвора; потому что онъ не всегда необходимая принадлежность храма.

собою капитальными стѣнами и сообщаются внутренними ходами, состоящими изъ небольшихъ арковыхъ пролетовъ, заключающихъ въ себѣ греческую (полуциркульную) дугу. Въ настоящее время въ каждомъ изъ полукружій находится по престолу: въ среднемъ въ честь св. Троицы, въ правомъ—св. Кирилла Александрійскаго, въ лѣвомъ—Арх. Михаила. Но что въ древней Кирилловской (Троицкой) церкви былъ одинъ алтарь, а не три, это между прочимъ доказываютъ и пролеты, сообщающіе боковыя полукружія съ среднимъ храмомъ: они въ настоящее время, какъ легко замѣтить, просѣчены, расширены. Очевидно, что когда боковыя полукружія назначались для другой цѣли, то достаточно было и узкихъ проходовъ; когда же вздумали устроить въ нихъ алтари, то проходы оказались не удобными, тѣсными для царскихъ вратъ; такъ что и въ настоящее время, когда они уже расширены, царскія двери представляются очень миніатюрными, узкими. Средняя огромная арка, соединяющая главный алтарь Троицкой церкви съ храмомъ, заставлена, какъ равно и алтарные столбы, тяжелымъ въ пять ярусовъ (тябловъ) роскошной рѣзьбы иконостасомъ, который впрочемъ съ археологической стороны не имѣетъ важнаго значенія. Солея, занимающая половину поперечной залы (древняго транзепта), возвышается противъ полу всего храма на одну только ступень. Впрочемъ нужно замѣтить, что настоящій полъ Троицкой церкви не есть первоначальный и даже лежитъ не на прежнемъ мѣстѣ: онъ возвышенъ отъ древняго пола болѣе, чѣмъ на 1 аршинъ, такъ что подъ теперешнимъ поломъ (ниже на аршинъ) лежитъ другой полъ, сохранившійся отъ первоначальнаго устройства церкви. Этотъ послѣдній полъ кладенъ изъ такого же кирпича, какъ и все (уцѣлѣвшее) зданіе.

Посреди церкви возвышаются четыре толстыхъ, массивныхъ столба, пространство между которыми образуетъ среднюю залу и за которыми до внѣшнихъ (сѣверной и южной) стѣнъ тянутся продольныя боковыя залы. Столбы эти многогранные; на нихъ надъ боковыми залами и притворомъ утверждены тяжелые коробовые своды зданія. Всѣ столбы соединяются между собою арками, на которыхъ возвышается объединяющая ихъ тамбура цилиндрической формы. Продольными и поперечными линіями по направленію столбовъ вся внутренность зданія дѣлится, какъ и во всѣхъ храмахъ этой конструкціи, на девять частей. Кромѣ вполнѣ сохранившагося древняго устройства и строгаго единства и симметріи частей, въ средней части зданія, если что и можетъ обратить на себя вниманіе археолога, такъ это уцѣлѣвшій карнизъ на столбахъ. Онъ состоитъ изъ гранитныхъ обтесанныхъ плитъ, вкладенныхъ въ кирпичи столбовъ; выходя небольшимъ краемъ, плиты эти образуютъ изъ себя родъ полочекъ въ одинъ рядъ. Изъ лѣтописныхъ сказаній мы знаемъ, что въ этой (средней) части храма у лѣвой (сѣверной) стѣны погребены Вел. Кн. Святославъ и Княгиня Марія Мстиславовна; гробницы ихъ существовали еще и въ XVII ст. [1]), но теперь нѣтъ никакихъ и слѣдовъ отъ нихъ.

Западная входная часть храма, или притворъ, составляетъ другую поперечную залу, параллельную первой (транзепту). Своды ея низкіе коробовые. Въ настоящее время изъ притвора образована теплая церковь. Для этого средній пролетъ, или большая арка, ведущая изъ притвора въ самый храмъ, занята стеклянными дверями; вслѣдствіе под-

---

[1]) См. Обозр. Кіева въ отн. къ древн. стр. 71; Кіев. Еп. Вѣд. 1863 г. стр. 675.

нятія пола, арка эта, значительно понизившись, сдѣлалась удобною для этого. Въ правомъ боковомъ пролетѣ, ведущемъ изъ притвора въ среднюю часть храма, устроенъ иконостасъ, за которымъ находится алтарь. Алтарь такимъ образомъ помѣщается сзади боковой залы средней части храма; боковая же лѣвая (сѣверная) арка замурована. Такой же точно карнизъ, какъ на столбахъ средней части храма, сохранился и въ притворѣ на столбахъ, отдѣляющихъ одну арку отъ другой. У лѣвой, сѣверной стѣны въ притворѣ погребенъ бывшій патронъ этой церкви Савва Туптало, отецъ знаменитаго въ исторіи русской церкви и незабвеннаго для Кириловскаго монастыря Димитрія Савича Туптало, Святителя Ростовскаго. Савва Туптало умеръ въ 1703 году и погребенъ здѣсь; а въ 1707 году Димитрій Ростовскій, прислалъ сюда икону Божіей Матери, бывшую родовою въ домѣ Тупталовъ и потому, можетъ быть, очень древнюю, прося поставить ее надъ гробомъ своего родителя. Икона эта сохранилась и досихъ поръ, но къ сожалѣнію археологовъ, она потеряла теперь главное свое достоинство—древность: чья-то кисть изъ старой сдѣлала ее новою. Кромѣ этой иконы здѣсь находится еще портретъ погребеннаго здѣсь Саввы Туптало.

Въ сѣверозападномъ углу притвора находится дверь на лѣстницу, ведущую на хоры. Лѣстница эта устроена въ сѣверной стѣнѣ притвора. Самые хоры занимаютъ все пространство надъ притворомъ; такъ что своды послѣдняго служатъ для нихъ основаніемъ (поломъ) и кромѣ того они тянутся вдоль обоихъ (сѣверной и южной) стѣнъ надъ боковыми залами храма до самаго транзепта, или поперечной залы. Кромѣ своего древняго положенія и устройства они не сохранили въ себѣ никакихъ древнихъ орнаментовъ, какъ хоры многихъ другихъ храмовъ этого періода: ни

древнихъ шиферныхъ или какихъ либо перилъ, ни ямшеваго пола, ничего другаго подобнаго. Перила ихъ деревянныя новой работы, полъ изъ простыхъ кирпичей.

Изъ этого очерка внутренняго устройства Троицкой церкви мы можемъ видѣть, что она вполнѣ сохранила свой основной типъ, свое древнее устройство, искусно совмѣщавшее простоту и величіе размѣровъ, удобство и цѣлесообразность въ расположеніи. Но если что и можетъ поразить археолога внутри церкви, такъ это очень роскошное освѣщеніе, обиліе оконъ. Изъ другихъ сохранившихся памятниковъ греческаго зодчества мы знаемъ, что они всегда отличаются внутри недостаткомъ освѣщенія и даже темнотою [1]) и что вообще греческіе архитекторы не допускали, да даже и не могли допустить такого количества оконъ, прежде всего по самой простой причинѣ—по скудости и дороговизнѣ стекла въ то время [2]). Окна Троицкой церкви въ теперешнемъ своемъ видѣ частію вновь просѣчены, частію расширены прежнія и потому не совсѣмъ сохранили древнюю форму: они значительно шире древнихъ византійскихъ оконъ и не имѣютъ откосовъ, которые, вѣроятно, уничтожены при расширеніи оконъ. Вмѣстѣ съ расширеніемъ окна были и укорочены (иначе они были бы слишкомъ большихъ размѣровъ), что доказываетъ новая кладка въ ос-

---

[1]) Это не вѣрно. Если Кіевософійскій соборъ, большая церковь Печерск. Лавры и церковь Кіево-Михайлов. монастыря т. перь слабо освѣщаются, то не по недостатку оконъ, а отъ того, что съ боковъ каждаго изъ этихъ храмовъ въ концѣ 17 и въ началѣ 18 вѣка сдѣланы пристройки, совершенно отдѣлившія свѣтъ отъ средней части зданія. *Ред.*

[2]) Опроверженіемъ этого служитъ множество оконъ въ Кіевософ соборѣ. *Ред.*

нованіи (подушкѣ) нѣкоторыхъ оконъ; кирпичи и цементъ этой кладки другіе, чѣмъ во всемъ зданіи. Окна въ теперешней Троицкой церкви въ два свѣта; нижній свѣтъ находится въ значительномъ возвышеніи отъ пола, особенно если мы возмемъ во вниманіе первоначальный полъ церкви, лежащій ниже настоящаго болѣе, чѣмъ на 1 аршинъ. Всѣ окна расположены съ наблюденіемъ строгой симметріи: въ западной стѣнѣ ихъ пять, по одному въ каждомъ отдѣленіи между пилястрами; среднему окну верхняго свѣта въ нижнемъ соотвѣтствуетъ входная дверь. Между окнами сѣверной и южной стѣнъ находится также строгое соотвѣтствіе: окна на обоихъ стѣнахъ находятся въ одинаковомъ количествѣ и на одномъ и томъ же мѣстѣ какъ на той, такъ и на другой сторонѣ; въ каждой части храма (между двумя пилястрами) по одному окну въ верхнемъ и нижнемъ ряду оконъ. Исключеніе изъ этого сѣверная стѣна нижняго этажа притвора, гдѣ не имѣется окна, которое соотвѣтствовало бы нижнему окну южной стѣны; но это потому, что въ сѣверной стѣнѣ притвора устроена лѣстница на хоры. Въ верхнемъ свѣтѣ поперечней залы какъ на сѣверной, такъ и на южной стѣнахъ находится по три окна въ рядъ, съ очень малыми между собою промежутками; на мѣстѣ же нижняго свѣта въ этой части храма на той и другой стѣнѣ устроено по входной двери. Болѣе удержали древнюю форму окна алтарныхъ полукружій. Они очень схожи съ сохранившимся окномъ кіевской трех-святительской церкви: узкія, длинныя, съ откосами во внутрь церкви и съ дуговыми перемычками, вообще вполнѣ византійскаго стиля. Числомъ ихъ—по два въ боковыхъ полукружіяхъ (по одному на восточной и одному на сѣверной и одному на южной стѣнахъ) и три—въ среднемъ. Кромѣ этихъ, описан-

ныхъ нами оконъ, есть еще окна и другой формы и несомнѣнно древняго устройства. Это три щелеобразныя окна для освѣщенія лѣстницы, ведущей на хоры. Иныхъ же оконъ, какъ-то: круглыхъ и крестообразныхъ, —которыя особенно встрѣчаются на западной стѣнѣ и въ среднемъ алтарномъ полукружіи подъ самыми сводами церквей, преимущественно строенныхъ или обновленныхъ въ XV—XVII ст.,—въ Троицкой церкви не имѣется.

(Окончаніе будетъ).

ТРЕТІЙ ДОКТОРСКІЙ ДИСПУТЪ ВЪ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

8 Марта въ нашей академіи происходилъ третій докторскій диспутъ, на которомъ инспекторъ и ордин. профессоръ академіи, архимандритъ Сильвестръ, защищалъ представленное имъ на докторскую степень сочиненіе подъ заглавіемъ: «ученіе о церкви въ первые три вѣка христіанства» (историческій очеркъ). Общество на этомъ диспутѣ было, можно сказать, скромное: кіевское духовенство, къ чести его сказать, всегда интересующееся академическими диспутами,—одинъ профессоръ университета, нѣкоторые учители гимназіи и духовно-учебныхъ заведеній, два, три любителя духов. просвѣщенія изъ свѣтскихъ чиновъ, почетные граждане Кіева, купцы и мѣщане. Вѣроятно, въ коренныхъ кіевлянахъ и до сихъ поръ еще жива традиція о кіевской академіи, какъ школѣ народной, вызывавшей къ себѣ всегда глубокое сочувствіе въ православномъ южно-русскомъ населеніи. Какъ бы желалось, чтобы кіевская академія, прежде бывшая вполнѣ народною, вмѣщавшая въ себѣ дѣтей безъ различія всѣхъ сословій и званій, сдѣлалась и теперь народною школою для всѣхъ сословій не только ре

jure, но и de facto,—чтобы и теперь больше и больше расширялась и укрѣплялась связь ея съ православнымъ народомъ русскимъ. Такія мысли сами собою пришли въ голову, когда мы случайно окинули взоромъ нашимъ бывшую на диспутѣ публику, и въ числѣ ея замѣтили нѣсколько гражданъ, кіевскихъ купцовъ и мѣщанъ. Ровно въ 12 часовъ о. ректоръ академіи открылъ диспутъ обычнымъ сообщеніемъ краткихъ свѣденій о докторантѣ. Изъ этого curriculum vitae присутствующіе могли узнать, что о. архимандритъ Сильвестръ получилъ первоначальное воспитаніе въ волынской епархіи,—и по окончаніи курса въ волынской духовной семинаріи, былъ священникомъ въ одномъ изъ сельскихъ приходовъ; вскорѣ, послѣ ранней смерти жены, онъ поступилъ для высшаго образованія въ кіевскую духовную академію, гдѣ принялъ монашество и по окончаніи курса, оставленъ былъ баккалавромъ по каѳедрѣ полемическаго богословія; въ 1862 году опредѣленъ инспекторомъ академіи и заслужилъ званіе ординарнаго профессора богословія. Послѣ того взошелъ на каѳедру самъ докторантъ и въ довольно обстоятельной рѣчи изложилъ общія свѣденія о своемъ сочиненіи, допущенномъ къ публичной защитѣ: важность избраннаго имъ для изслѣдованія предмета,—способъ его изслѣдованія и краткое содержаніе въ порядкѣ извлеченныхъ имъ изъ сочиненія тезисовъ. Затѣмъ начался самый диспутъ. Оффиціальными оппонентами докторанту были ординарные профессоры академіи Д. В. Поспѣховъ и К. И. Скворцовъ, въ прошедшемъ году удостоенный степени доктора богословія.

Первый оппонентъ началъ съ исчисленія неотъемлемыхъ достоинствъ диссертаціи докторанта. Два раза читалъ я это сочиненіе, говорилъ онъ, и каждый разъ общимъ

впечатлѣніемъ отъ сочиненія было—успокоеніе для сердца и удовлетворительность для ума. Въ частности оппонентъ похвалялъ въ сочиненіи: 1) непосредственность отношенія автора къ предмету своего сочиненія, чуждую тенденціозности, или предзанятости; 2) полноту сочиненія и притомъ полноту мѣрную, благодаря которой каждая изъ частностей разбираемаго предмета нашла у автора свое подобающее мѣсто и свою мѣру; 3) знакомство съ обиліемъ источниковъ и притомъ первыхъ источниковъ, 4) достойную критическую обработку предмета, 5) авторскій тактъ и притомъ искусный тактъ авторскаго богословствованія съ тономъ ровнымъ, спокойнымъ, проникнутымъ глубокимъ убѣжденіемъ и чуждымъ обыкновеннаго въ подобныхъ случаяхъ стремленія къ полемикѣ. Въ самомъ изложеніи диссертаціи оппонентъ находитъ ясность, точность и умѣлую группировку частностей. Переходя за тѣмъ къ указанію недостатковъ сочиненія, оппонентъ напередъ оговорился, что существенныхъ недостатковъ въ сочиненіи онъ не нашелъ; недостатки, подмѣченные въ сочиненіи, оппонентъ выдавалъ скорѣе за недостатки кажущіеся, чѣмъ дѣйствительные, скорѣе за свои личныя недоумѣнія. При такомъ скромномъ отношеніи къ дѣлу, оппонентъ однако же высказалъ нѣсколько весьма дѣльныхъ и вѣскихъ возраженій, которыя очень оживили диспутъ, не обѣщавшій, по видимому, по своему предмету и характеру, оживленнаго ученаго спора. Возраженія вращались главнымъ образомъ около одного пункта: какъ представлять предметъ предложеннаго историческаго очерка—понятіе и ученіе о церкви, представлять ли его, какъ предметъ въ самомъ началѣ данный въ ясномъ опредѣленномъ и законченномъ видѣ, или же какъ предметъ подлежащій развитію, постепенному уясненію и

дополненію, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ и подъ руководствомъ Духа Божія, всегда живущаго въ церкви? Оппонентъ прежде всего просилъ докторанта уяснить ему, въ какомъ смыслѣ онъ понималъ исторію своего предмета, озаглавливая свое сочиненіе «историческимъ очеркомъ»,—какъ исторію внѣшнюю, предполагающую предметъ даннымъ въ окончательномъ его развитіи, или же какъ исторію внутреннюю, которая обыкновенно поставляетъ своею задачею слѣдить за предметомъ въ его постепенномъ развитіи. Докторантъ справедливо отвѣчалъ, что онъ имѣлъ въ виду и ту и другую исторію, ограничивая однако же при этомъ свою мысль тѣмъ, что предметъ его историческаго очерка—понятіе и ученіе о церкви было дано въ самомъ началѣ въ опредѣленномъ видѣ Спасителемъ, и подлежало не развитію, а скорѣе уясненію въ сознаніи церкви. Оппонентъ соглашался съ отвѣтомъ докторанта, находя подтвержденіе этого положенія въ томъ фактѣ, что апостолы, до сошествія на нихъ Духа Святаго, помышляли о какомъ то особенномъ царствѣ: *аще въ лѣто сіе устрояеши царство*, и въ обѣщаніи Спасителя ниспослать ученикамъ своимъ Духа Святаго, который наставитъ ихъ на всякую истину; но при всемъ томъ полагалъ, что понятіе о церкви не только уяснялось въ мысляхъ апостоловъ и ихъ преемниковъ, но нѣсколько и развивалось съ развитіемъ формъ церкви, по требованію обстоятельствъ и подъ руководствомъ озарявшаго апостоловъ Духа Божія; это можно сказать, говорилъ оппонентъ, напримѣръ о развитіи формъ церковной іерархіи изъ началъ положенныхъ Іисусомъ Христомъ. Словомъ, по понятіямъ оппонента, исторія церковнаго ученія о церкви должна быть скорѣе исторіею внутренняго органическаго развитія, а не внѣшнею, такъ сказать, традиціозною. Про-

должая далѣе развивать свое положеніе, оппонентъ указывалъ на недостаточность въ нѣкоторыхъ случаяхъ объективнаго отношенія докторанта къ своему предмету, по крайней мѣрѣ въ изложеніи ученія о церковной іерархіи въ вѣкъ апостольскій: докторантъ, по словамъ оппонента, понятіе о церкви третьяго вѣка переноситъ по предзанятой мысли и въ вѣкъ апостольскій, отъ чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его сочиненія находятся неточности и нѣкоторыя натяжки. Докторантъ оправдывался тѣмъ, что, можетъ быть, въ этихъ мѣстахъ онъ погрѣшилъ только въ терминологіи; на это оппонентъ замѣтилъ, что и самая терминологія развивается съ развитіемъ понятій. Раскрывая затѣмъ свою мысль, оппонентъ указывалъ, что напрасно докторантъ говоря въ своемъ сочиненіи о церковной іерархіи въ вѣкъ апостольскій, находилъ тутъ такіе же три, совершенно отдѣльныя отъ прочихъ вѣрующихъ и отличныя другъ друга степени, какія явились потомъ въ обществѣ христіанскомъ 3-го вѣка. Не незначительнымъ упущеніемъ выставлялось и то, что докторантъ не показалъ различія между священствомъ ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ. О единствѣ церкви замѣчено докторанту: «можно было писать въ своемъ сочиненіи, что и въ вѣкъ апостольскій, особенно въ началѣ его, церковь сознавалася единою и пр., но нужно было прибавить, что сознаніе объ этомъ было еще не ясное, не развитое, не полное, и потому на черты такого сознанія въ вѣкъ апостольскій можно было указывать только какъ на оправданіе понятія о церкви въ послѣдующіе вѣка, а не какъ на образецъ и норму для послѣднихъ». Выходя изъ того же своего положенія, оппонентъ упомянулъ, что епископская и пресвитерская степени въ началѣ вѣка апостольскаго не были разграничены, и смѣшивались одна съ

другою. На замѣчаніе докторанта о томъ, что Тимоѳей и Титъ въ посланіяхъ апостольскихъ видимо ставятся выше надъ другими священными лицами—пресвитерами, что первые поставляются съ правомъ поставленія и рукоположенія послѣднихъ, оппонентъ отвѣчалъ, что такое преимущество Тита и Тимоѳея предъ другими священными лицами можетъ быть объясняемо и въ смыслѣ нравственнаго ихъ превосходства предъ другими и временнаго полномочія за отсутствіемъ апостола. Наконецъ оппонентъ считалъ недостаточно уясненнымъ и рукоположеніе вѣка апостольскаго. На это докторантъ замѣтилъ, что названіе епископъ и пресвитеръ могли смѣшиваться въ словоупотребленіи, но самыя степени различались, и смѣшеніе названій не препятствовало различію дѣла; что хотя есть кое-какія свидѣтельства объ участіи пресвитеровъ въ хиротоніи, но никогда хиротонія не происходила безъ епископа.

Другой оппонентъ, К. И. Скворцовъ, началъ свои возраженія на книгу докторанта почти съ того же, гдѣ окончилъ его предшественникъ по оппонированію. Сказавши предварительно, что и онъ не намѣренъ бросать тѣни сомнѣнія на предметъ дисертаціи, въ себѣ истинный и святый, отдавши должную справедливость докторанту за вѣрность, потому и стройность сочиненія, докторъ богословія Скворцовъ и съ своей стороны заявилъ нѣкоторыя недоумѣнія на счетъ положенія церковной іерархіи и пониманія ея въ вѣкъ апостольскій; именно что касается права рукоположенія, даннаго апостоломъ Павломъ Тимоѳею въ заповѣди: *руки скоро не возлагай ни накого же*, то, по мнѣнію оппонента, подъ рукоположеніемъ, кромѣ того, что принято понимать подъ этимъ словомъ, можно здѣсь разумѣть и нѣчто другое: ибо греческое слово Χειροτονια означаетъ и

благожеланіе и похвалу и просто сочувствіе. Да и контекстъ рѣчи, продолжалъ оппонентъ, благопріятствуетъ такому пониманію слова χειροτονία. *Руки скоро не возлагай ни на кого же, ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ*— правильнѣе будетъ, кажется, такъ понимать эти слова: не хвали скоро человѣка, не довѣряйся ему, и отъ не добрыхъ людей убѣгай. Отвѣчая на первое возраженіе, докторантъ утверждалъ, что толкованіе оппонентомъ выше приведеннаго текста о рукоположеніи произвольное и натянутое; напротивъ тотъ же контекстъ рѣчи и особенно выраженіе въ текстѣ *скоро* (не возлагай руки) больше говоритъ въ пользу пониманія рукоположенія въ общепринятомъ смыслѣ, въ смыслѣ сообщенія нѣкоторыхъ правъ рукополагаемымъ, говорилъ докторантъ. Соглашаясь за тѣмъ съ оппонентомъ въ томъ, что іерархическія степени въ вѣкъ апостольскій не всегда строго разграничивались, докторантъ и въ приведенномъ текстѣ указывалъ на ясное отличіе одной степени іерахической высшей, епископской отъ низшей, пресвитерской. Затѣмъ споръ между оппонентомъ и докторантомъ вращался на вопросѣ о смѣшеніи іерархическихъ степеней епископской и пресвитерской и въ послѣдующіе вѣка. Г. Скворцовъ указалъ слѣды смѣшенія этихъ степеней въ сочиненіяхъ Папія, Игнатія Богоносца, Климента римскаго, Эрмы, Поликарпа и др.; докторантъ съ своей стороны указалъ ясные слѣды и разграниченія этихъ степеней въ писаніяхъ тѣхъ же мужей апостольскихъ. Въ отвѣтъ на предположеніе оппонента, будто епископская власть ясно выдѣлилась отъ пресвитерской едва ли не къ концу уже 2-го вѣка, докторантъ основательно отвѣчалъ, что нѣкоторыя древнія церкви вели непрерывный рядъ своихъ епископовъ отъ самыхъ апостоловъ, напр. церкви римская, александрійская,

антіохійская и другія. Даже протестантъ Гроте, по замѣчанію докторанта, приходитъ въ своихъ сочиненіяхъ къ такому заключенію, что епископская власть возникла въ Малой Азіи во времена Игнатія богоносца, котораго язычники называли патріархомъ. Диспутъ закончился объявленіемъ, сдѣланнымъ о. ректоромъ академіи, что совѣтъ академіи призналъ сочиненіе о. архимандрита Сильвестра достойнымъ докторской степени. Поздравленіе будущему третьему доктору нашей академіи выражено было аплодисменами по обычаю, недавно принятому и въ духовныхъ академіяхъ.

Общее впечатлѣніе, вынесенное нами изъ этого диспута таково, что оппозиція и защита вполнѣ соотвѣтствовали и важности предмета диссертаціи и требованіямъ ученаго, спокойнаго и безличнаго собесѣдованія.

Свящ. П. Т.

ТЕЗИСЫ

къ сочиненію: «ученіе о церкви въ первые три вѣка христіанства».

Существеннѣйшія черты постояннаго образа представленія церкви Христовой о себѣ самой, выразившагося, послѣ новозавѣтнаго откровеннаго о ней ученія, въ писаніяхъ отеческихъ и опредѣленіяхъ соборныхъ до-никейскаго періода суть:

1. Ея *единство*, которое по своему существу совершенно отлично отъ обыкновеннаго земнаго единства, характеризующаго обыкновенныя общества человѣческія. Сознавая себя духовно-благодатнымъ обществомъ, церковь свои объединяющія основы и жизненныя начала видѣла въ глубинахъ жизни Божіей и духа человѣческаго, въ благодати

и истинѣ Христовой и искренней и живой вѣрѣ, нераздѣльной съ плодотворною сыновнею любовію къ Богу и братскою къ ближнимъ, долженствовавшею скрѣплять отношенія людей къ Богу и между собою внутреннимъ союзомъ нерасторжимаго единства.

Но при этомъ церковь всегда сознавала безусловную для себя необходимость и внѣшнихъ объединяющихъ началъ, представляемыхъ богоучрежденною въ ней видимою іерархіею съ богодарованными ей видимыми средствами, каковыя начала должны были служить упроченію и поддержанію внутреннихъ основъ ея духовно-благодатной жизни, и потому должны были быть чужды всего мірскаго, недуховнаго и неблагодатнаго.

2. *Святость*. Утверждаясь на этихъ началахъ своего единства и жизни, заключающихъ въ себѣ сѣмена истинной святости, не лицемѣрной и наружной, а искренней и внутренней, исходящей изъ глубины свободнаго духа человѣческаго, управляемаго Духомъ Христовымъ, церковь всегда сознавала себя призванною къ возможно-полному осуществленію такого идеала святости во всѣхъ своихъ членахъ, считая себя въ правѣ для пособія этому великому дѣлу пользоваться, имѣющими здѣсь мѣсто, одними чисто-нравственными и благодатными средствами, и отрицая, какъ неумѣстныя и неприложимыя здѣсь, всякаго другаго рода средства, носящія на себѣ печать внѣшней силы, принужденія и насилія.

Отлученіе отъ церковнаго общенія еретиковъ и упорныхъ грѣшниковъ, не сопровождаемое никакими карательными мѣрами и враждебными чувствами, было дѣломъ нелицемѣрной правоты церкви, не называвшей своимъ того, что было ей чуждо, и не заключало въ себѣ ничего оскорбительнаго и насильственнаго по отношенію къ свободѣ тѣхъ, которые сами собою разрывали внутреннія связи съ духомъ и жизнію церкви.

3. *Вселенство* или *соборность*. Такъ какъ жизненныя начала церкви, по своему существу стоя выше всякихъ условій мѣстности, сословности и національности, были общедоступны и общегодны; то, живя ими, церковь всегда сознавала себя вселенскою или соборною, то есть, церковію

открытою для всѣхъ, свободно и искренно ищущихъ общенія съ нею. Всѣ увѣровавшіе одинаково принимались ею, и одинаково становились ея членами, составляя изъ себя одну родственную семью, одно Христово братство. Равноправности этого братскаго союза не должно было препятствовать необходимое здѣсь дѣленіе на старшихъ и младшихъ, руководствующихъ и руководимыхъ (то есть, пастырей и пасомыхъ): такъ какъ вся жизнь здѣсь должна была подчиняться одному общему закону любви и братскаго согласія,—закону, тѣсно и внутренно объединяющему жизнь и дѣятельность старшихъ братьевъ, и столько же животворно дѣйствующему и въ средѣ младшихъ братьевъ, располагая ихъ къ посильному и соотвѣтственному съ ихъ положеніемъ участію въ общихъ дѣлахъ близкихъ и родственныхъ каждому.

Потому-то безусловно-одноличное управленіе здѣсь не мыслимо.

4. *Апостольство*. Такъ какъ жизненныя начала церкви, заключая въ себѣ безусловную истину, были по своему существу неизмѣнны и годны для всѣхъ временъ, то обладая ими, церковь сознавала себя призванною и обязанною хранить ихъ неприкосновенно такъ, какъ онѣ были преподаны апостолами, и надѣялась сохранить ихъ таковыми навсегда, не смотря на измѣнчивость отношеній къ ней гражданскихъ обществъ, полагаясь въ семъ случаѣ на покровительство Божіе и неоспоримую законность и предъ судомъ человѣческимъ своего права на свободу и неприкосновенность того, что кромѣ блага ничего другаго не можетъ приносить гражданскимъ обществамъ, и что въ тоже время не подлежитъ суду властей земныхъ, а суду Божію.

Печ. позвол. Кіевъ 12 марта 1873 г. Ценз., прот. **М. Богдановъ.**
Въ Типографіи аренд. С. Кульженко и В. Давиденко.